

Когда Ли Цинхэ опомнился, вокруг шелестела лишь безмолвная чаща. Он остался совсем один.

Сян Цзюня и след простыл. Ли Цинхэ смутно помнил, как в тот миг, когда мир содрогнулся и небеса нависли готовой разразиться карой, демону явилось какое-то вестничество. Тот вперил в лицо Янь Фуи долгий взгляд, полный глухой досады, и спешно скрылся в зарослях.

Но где же Янь Фуи? На прежнем месте его не оказалось.

В груди Ли Цинхэ вдруг заворочался липкий, холодный страх. Подобное он испытывал лишь однажды — когда из-за ошибки в медитации едва не сошёл с ума. Его чудом вытащили с самого порога духовного искажения, и в то тягучее мгновение перед тем, как открыть глаза...

...ему сообщили, что брат погиб прошлой ночью.

Отец тогда сказал: во всём виноват Янь Фуи.

Ли Цинхэ резко тряхнул головой, пытаясь отогнать навязчивый кошмар, и вдруг заметил на сырой земле едва различимые отпечатки шагов.

Янь Фуи. Как бы ни поражала его нынешняя сила, летать на мече он по какой-то причине не мог — с самой их встречи передвигался только пешком.

Надо нагнать его, решил Ли Цинхэ. Спросить обо всём.

«Спросить о чём?» — он и сам не знал. Ему просто казалось, что между ними осталось слишком много недосказанного.

Янь Фуи уйти далеко не успел. Быстро нагнав его, Ли Цинхэ крикнул в спину:

— Да стой же ты!

Но тот не откликнулся. Янь Фуи даже не повернул головы — словно не слышал чужого голоса, он всё так же ровно и безучастно шагал вперёд.

Его спина всё так же оставалась прямой, как и в былые годы, однако в походке сквозила едва заметная неровность. И то верно: после столь яростной схватки с Сян Цзюнем невозможно было уцелеть без единой царапины.

И всё же Ли Цинхэ застыл в замешательстве. Не из-за ранений шисяна, а потому, что тот демонстративно проигнорировал его.

Янь Фуи никогда так с ним не поступал. Раньше — никогда.

После смерти брата их отношения обратились в прах. На следующий же день после того, как Ли Цинхэ пришёл в себя, он разъярённым вихрем ворвался на Пик Меча. Прижав холодную сталь к горлу Янь Фуи, он выплеснул на него всю свою боль и ярость. Но тот лишь покорно опустил взгляд, не сделав и попытки уклониться.

Он и сам знал, за кем вина.

Лишь однажды, когда острый клинок едва не пробило грудь, Янь Фуи вскинул руку и сжал пальцами режущую кромку.

В тот день Ли Цинхэ повалил его на землю прямо посреди сливовой рощи, где они когда-то занимались. Вокруг валялись брошенные свитки и кувшины, пролитое вино пропитало рукава одежды. И когда Ли Цинхэ с силой вогнал лезвие в его худое плечо, в его собственной груди вспыхнула дикая, мучительная сладость расплаты.

Сопrotивлялся ли тогда Янь Фуи? Вовсе нет. Он просто безвольно лежал среди опавших лепестков. Побелевшие костяшки пальцев, сжимавших лезвие, окрасились багрянцем, сквозь который проглядывали тонкие синеватые вены.

— Только не ты... — его голос дрожал от невыносимой боли, а в глазах стояли слёзы. — Цинхэ, умоляю, не убивай меня.

Белоснежные рукава соскользнули, обнажив тонкие, хрупкие запястья. Когда-то Ли Цинхэ до замирания сердца любил смотреть, как эти руки держат оружие — как в изящном росчерке сталь меча Уван рассекает горы и заставляет бледнеть саму луну.

Он помнил, как однажды брат допьяна напоил Янь-шисюна. Ли Цинхэ тогда притворился спящим, но тайком приоткрыл глаза и увидел, как брат, уверенный, что остался незамеченным, осторожно взял шисюна за руку и с благоговением прижал тонкое запястье к губам.

Только поэтому Ли Цинхэ тогда сохранил ему жизнь.

В последующие годы Ли Цинхэ подолгу тренировался на Горе Неоставления, однако стоило ему выкроить свободное время, как он тут же принимался донимать Янь Фуи.

А тот никогда не пытался скрыться... Очевидно, понимал всю тяжесть своей вины. Что бы ни придумывал Ли Цинхэ, Янь Фуи безропотно принимал удары судьбы. Его вечная покорность лишь сильнее раздражала.

За исключением последнего раза.

За исключением...

Ли Цинхэ передёрнуло, словно от удара током. Он вдруг отчётливо вспомнил, чем обернулась их прошлая встреча. Из-за того, что Янь Фуи скрыл от него правду, Ли Цинхэ пришлось пережить потерю во второй раз!

Но в глубине души он сознавал, что эта ярость — лишь попытка найти виноватого. Ли Цинхэ тщетно пытался убедить себя в обратном, но память упрямо возвращала его в тот страшный день: яростная волна отцовской духовной энергии, иссушившая траву в долине, и его собственная рука, высекающая искру из кремня, чтобы пустить всепожирающий огонь.

Пытаясь заглушить грызущее чувство вины новой вспышкой злости, Ли Цинхэ сорвался на крик:

— Янь Фуи! Хватит притворяться глухим! Что связывает тебя с этим отродьем? Ты хоть понимаешь, кто он такой?!

Он ринулся вперёд и бесцеремонно схватил Янь Фуи за плечо, силой разворачивая к себе. Тот отреагировал с задержкой, словно его сознание не сразу уловило чужое прикосновение.

Янь Фуи поднял глаза — он смотрел на Ли Цинхэ, но взгляд его казался пустым, проходящим насквозь.

Этот колющий взгляд заставил Ли Цинхэ отдёрнуть руку. Ещё секунду назад он кипел от гнева, твёрдо намеренный силой утащить шисюна назад и потребовать ответа, но сейчас, стоя лицом к лицу, он вдруг ощутил себя растерянным ребёнком.

В далёком детстве даже старший брат с улыбкой говорил:

«Мой младший совсем от рук отбился, сладу с ним нет. Только Фуи и под силу его укротить».

С трудом вернув самообладание, Ли Цинхэ процедил:

— Сейчас заклинатели не на жизнь, а на смерть бьются с нечистью. Ты хоть представляешь, насколько жестока эта война? Если кто-то увидит вас вместе, представляешь, сколько грязи выльют на орден Куньлунь? Ты об этом подумал?!

Янь Фуи молча прикрыл глаза.

Он посмотрел на Ли Цинхэ долгим, затуманенным взглядом, словно силясь собрать разлетающиеся мысли, и негромко произнёс:

— Я больше не принадлежу Куньлуню.

Эти слова заставили Ли Цинхэ осечься.

Сказать на это было нечего. Действительно, Куньлунь давно вычеркнул Янь Фуи из своих рядов, даже шишу Цинъюэ публично отрёкся от него. Что бы Янь Фуи ни творил теперь, это больше не имело отношения к репутации школы.

Но... как это могло стать правдой?

Разве мог Янь Фуи перестать быть Первым старшим братом?

Стиснув зубы, Ли Цинхэ с прежней упрямой резкостью выпалил:

— Орден вырастил тебя, дал тебе кров и имя! Как можно быть столь неблагодарным ничтожеством, чтобы в одночасье перечеркнуть всё прошлое? Как у тётушки Янь Жань мог родиться такой сын?!

Ли Цинхэ с мрачным удовлетворением заметил, что удар пришёлся в цель. Взгляд Янь Фуи окончательно потускнел, словно разбитый хрусталь, а горло судорожно сжалось.

Но тот не проронил больше ни слова. Не стал извиняться или спорить — просто развернулся и зашагал прочь.

В груди Ли Цинхэ мгновенно закипела обида. Он забыл старые распри, разыскал его в этой глуши, звал обратно — а этот неблагодарный смеет воротить нос?!

— Попробуй сделать ещё хоть шаг! — крикнул он вслед.

Этот голос доносился из прошлого — когда-то маленький мальчик звонко звал его по имени, не отходя ни на шаг. Янь Фуи уже и забыл, в какой момент интонации Ли Цинхэ стали такими ядовитыми, заставляющими сердце сжиматься от холода.

Ли Цинхэ процедил, чеканя каждое слово:

— Сделай ещё шаг — и можешь больше никогда не возвращаться.

Шаги Янь Фуи замедлились лишь на неуловимое мгновение, но он упрямо двинулся дальше, словно брошенная фраза его вовсе не задела.

«Ли-сюн был прав».

В памяти всплыли слова, которые Система произнесла в день, когда безжалостно обнажила истину:

«Они лишь персонажи на бумаге. Им не дано полюбить тебя, их удел — приносить тебе лишь страдания».

«Если не знаешь, как поступить, просто развернись и уйди».

«Если в груди всё выжигает боль, просто заставь себя не думать».

«Главное — оставаться чистым перед собственной совестью».

Если бы он только... и впрямь умел следовать этим советам.

Ли Цинхэ замер на месте, провожая растерянным взглядом удаляющуюся спину Янь Фуи, который упрямо шёл вперёд, скрываясь в лесной глуши.

Холод сковал его тело. Ли Цинхэ даже не заметил, как в уголках глаз вскипели слёзы, и не понимал, имеет ли он право позволить им упасть.

Ли Цинхэ всё-таки не был копией своего отца. До того страшного утра, когда он очнулся сиротой при живых родителях, потеряв брата, и когда все вокруг в один голос закричали, что виновен Янь Фуи... именно Янь-шисюн был для него самым близким и любимым человеком.

Впервые за долгие пять лет этот признанный баловень судьбы вдруг осознал очевидное: Янь Фуи — живой человек. Он тоже может смертельно устать, его израненное сердце способно остыть, и он волен в один прекрасный день решиться уйти, оставив позади жизнь, полную чужой неблагодарности.

Но почему же тогда в душе поднялся такой первобытный страх? Словно могучее дерево, которое, казалось, вечно будет укрывать его своей сенью, с сухим треском рухнуло, лишив спасительной тени.

Сваливать все беды на плечи Янь Фуи всегда было так просто и удобно. Что бы ни произошло, виноватым неизменно назначали его. Словно сама судьба велела ему безропотно принимать любые удары.

В висках Ли Цинхэ застучала резкая, невыносимая боль. И сквозь этот гул в памяти вдруг отчётливо проступил взгляд, который Янь Фуи бросил на него несколько месяцев назад, узнав об уничтожении долины.

Нет, он не был рождён нести чужие грехи. И больше не собирался волочить эту лямку.

Он просто устал.

И, кажется, они ему действительно стали не нужны.

подавив рвущийся из груди кашель и с трудом сглотнув солоноватую влагу, Янь Фуи негромко позвал:

— Ли-сюн?

Во время недавней встречи с Сяо Чжэнем он едва не лишился рассудка. Янь Фуи сам не понимал, откуда в его жилах взялась эта грозная, чужеродная сила, но, придя в себя, осознал со всей очевидностью: разразись буря в полную мощь, его собственное тело разлетелось бы на куски.

Однако духовный всплеск угас так же внезапно, как и начался. А вместе с ним из его духовного моря бесследно исчезла и Система.

Если вдуматься, это происходило уже не впервые.

Тогда, в Городе Мосян, посреди наваждения Небесного демона, он точно так же остался один на один со своими мыслями. И если то безмолвие ещё можно было списать на коварство чужих чар, то почему Ли Юй хранил молчание с момента их пробуждения и до тех пор, пока Цзоу Хо не увёз его в свою долину?

И пусть Ли Юй потом как ни в чём не бывало заговорил с ним в личных покоях молодого хозяина долины, Янь Фуи сразу понял: о том, что творилось во время его отсутствия, тот не имел ни малейшего представления.

И вот теперь его снова не было рядом.

Сердце Янь Фуи сжала смутная тревога. Хотя они с Ли Юем знали друг друга от силы пару месяцев, его не покидало странное чувство, будто судьба связала их задолго до этой встречи. Этот чужак отличался взбалмошным нравом, говорил загадками и часто вёл себя как безумец, но глупо было отрицать: без его незримого присутствия Янь Фуи вряд ли сумел бы выстоять под грузом навалившихся бед.

Не будь его рядом, он бы давно сломался.

Найдя укромный уголок, он опустился прямо на сухую траву и сосредоточился, пытаясь отыскать в глубинах сознания хоть какую-то зацепку, но духовное море безмолвствовало.

Когда он вновь открыл глаза, к горлу подступил настоящий страх.

Вокруг висела душная, мёртвая тишина. Янь Фуи неосознанно сорвал стебелёк травы, запачкав землёй кончики длинных, изящных пальцев, которые теперь судорожно сжались.

— Ли-сюн... — позвал он, и в этом тихом голосе промелькнула редкая для него беззащитность.
— Ты здесь?

— Ох, надо же! Стоило отлучиться на пару мгновений, а ты уже тоскуешь по мне?

Напряжение, сковавшее плечи, мгновенно отпустило. Насмешливый, вечно весёлый голос отозвался в разуме столь внезапно, что сердце Янь Фуи пропустило удар, прежде чем забиться в ровном, успокаивающем ритме.

— Ты давай, завязывай со своими мрачными думами, — в своей привычной полушутливой манере проворчал Ли Фуюй. — Имейте совесть, молодой человек, я вообще-то живу в твоей голове! Когда ты начинаешь унывать, в твоём духовном море поднимается такой шторм, что волны до неба летят. А я, между прочим, плавать не умею. Чуть на дно не пошёл из-за тебя!

Янь Фуи невольно улыбнулся одними уголками губ:

— Про...

— Ой, только не начинай! Стоп, завязывай с этим, — перебил его Ли Фуюй. — Жив я и здоров, тонуть пока не собираюсь.

— И запомни раз и навсегда: ты никогда... слышишь, никогда в жизни не должен просить у меня прощения.